Черных Сергей Сергеевич, Никифоров Анатолий Александрович

КОНТРКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МОЛОДЁЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

В статье рассматриваются контркультурные детерминанты молодёжного экстремизма сквозь призму склонности молодых людей к романтизму. Прослеживаются связи между архетипами романтизма и современными формами молодёжного экстремизма, обусловленные радикальным поиском корней. Особое внимание авторы уделяют проблемам ненависти в молодёжной среде на почве культурных различий. Подчеркивается, что ведущие контркультурные детерминанты современного молодёжного экстремизма восходят к паттернам европейского романтизма, которые подвергаются искажению в процессе инновационной активности молодёжи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 2. С. 204-206. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2
Философские науки

В статье рассматриваются контркультурные детерминанты молодёжного экстремизма сквозь призму склонности молодых людей к романтизму. Прослеживаются связи между архетипами романтизма и современными формами молодёжного экстремизма, обусловленные радикальным поиском корней. Особое внимание авторы уделяют проблемам ненависти в молодёжной среде на почве культурных различий. Подчеркивается, что ведущие контркультурные детерминанты современного молодёжного экстремизма восходят к паттернам европейского романтизма, которые подвергаются искажению в процессе инновационной активности молодёжи.

Ключевые слова и фразы: российская молодёжь; контркультурные детерминанты; культурная безопасность; молодёжный экстремизм; девиантные практики; романтизм.

Черных Сергей Сергеевич, к. филос. н.
Никифоров Анатолий Александрович
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова
s.s.chernykh@mail.ru

КОНТРКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МОЛОДЁЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

В последнее время изучению молодёжного экстремизма уделяется большое внимание, которое в значительной степени стимулируется распространением международного терроризма, а также проблемами, связанными с адаптацией значительного числа мигрантов, преимущественно из неевропейских стран. Как отмечают отечественные исследователи В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, «молодёжный экстремизм – есть не что иное, как социально обусловленные формы отклонения от развития экстремального типа сознания молодёжи и нарушения меры в выборе адекватных моделей поведения, приверженность к крайним взглядам и поступкам, представляющим опасность для окружающих» [6, с. 73]. Таким образом, молодёжь рассматривается как группа, которая в силу природных и социальных особенностей (экстремального типа сознания и транзитивности общественного статуса) в большей степени подвержена риску проявления экстремизма, чем представители старшего поколения.

Молодёжный экстремизм можно вполне рассматривать как форму девиантного и делинквентного поведения, в котором молодые люди стремятся к эстетизации разнообразных форм политического насилия. В целом поведение экстремистов не просто отклоняется от принятых общественных норм, а стремится к их тотальному ниспровержению. Согласно определению польского социолога П. Штомпка, существует «особый вид социализации – это *освоение девиационных* (связанных с отклонением от нормы) ролей. В этом случае люди обучаются образцам, нормам и ценностям контркультуры, противоположным тем, что доминируют в данном обществе» [7, с. 420]. Поэтому в данной связи можно говорить об особых контркультурных детерминантах, продуцирующих различные формы экстремизма молодёжи. Их истоки необходимо искать в тоске по традиционным образцам культуры, которую испытывает человек в мире, расколдованном наукой и техникой.

Вызовы современности, связанные с глобализацией, внедрением новых информационных технологий, в сочетании с ростом международного терроризма вновь актуализируют проблему культурной безопасности. Как отмечает А. Л. Маршак, «культурная безопасность – это такое социальное понятие, которое отражает социокультурные возможности общества, направленные на преодоление всех видов опасности (риски, угрозы, вызовы) и создание благоприятных условий для культурной жизни общества» [4, с. 114]. В данной связи важно отметить, что проблемы культурной безопасности в интеграционном процессе тесно связаны с усилением экономической конкуренции на рынке труда и массовым воздействием на молодёжь со стороны новых, прежде всего информационных, технологий. Так, например, многие известные типы девиантного и делинквентного поведения были приобретены молодыми людьми посредством коммуникации с другими девиантами через сеть Интернет. Важной проблемой остаётся распространение в виртуальном пространстве комплекса идей, направленных на создание фона ненависти на этнической и религиозной почве.

В последние годы наибольшую опасность для общественного порядка представляет молодёжный экстремизм, базирующийся на крайних интерпретациях культурных традиций прошлого. Неслучайно поэтому молодые люди проявляют вполне инструментальный интерес к религии, которая начинает восприниматься и использоваться ими как ресурс легитимации политического насилия. Десакрализация культурной надстройки всего современного общества сопровождается ростом рефлексивности массового сознания, она создала предпосылки для большей свободы в сфере конструирования молодыми людьми собственной идентичности. Интересно в этой связи отметить, что многие молодые люди вполне осознанно выбирают «традиционализм», содержащий в себе различные архаические практики насилия, которые вполне открыто пытаются бросить вызов современной цивилизованности, стандартизированной по мерке либерального капитализма и общества массового потребления. В свою очередь, массовая культура также вносит активный вклад в создание и распространение паттернов молодёжного экстремизма. Искусство, популяризирующее насилие через кино, обращаясь к темам «ходячих» мертвецов, вампиров и т.д., сопровождающееся демонстрацией рек крови и расчлененных человеческих тел, способствует размыванию норм дозволенного в сознании молодёжи.

В. И. Чупров, Ю. А. Зубок справедливо отмечают, что «большинство молодых людей рассматривают своё участие в движениях как времяпрепровождение, в котором различные экстремистские проявления выступают в качестве романтических приключений или развлечений» [6, с. 222]. Следовательно, молодые люди часто склонны к романтизации экстремизма и эстетизации насилия, что может пройти с возрастом в результате накопления соответствующего жизненного опыта, связанного с осознанием ценности индивидуальной жизни. Важно понимать, что молодой экстремист – это не просто хулиган, избивающий не понравившихся ему прохожих людей, которые просто не так на него посмотрели, или юноша, одержимый жаждой сексуального насилия; это человек, в той или иной степени действующий из контекста определенных контркультурных детерминант. Последние конструируют личность молодого экстремиста сквозь призму оригинальной интерпретации традиционной культуры, которая, например, может легко искажать принципы патриотизма, подменяя их шовинизмом и расовой ненавистью, или привлекать опыт «культурной травмы», превращая его в доминирующий фактор неудовлетворенности всей официальной культурой.

Таким образом, молодёжный экстремизм представляет собой явление, находящееся в рамках той или иной контркультурной традиции, идентифицируемой своими приверженцами как минимум в оппозиции доминирующим и официальным культурным формам. Вместе с тем недовольство и «отчуждение» молодёжи от государства, общества и его успешных представителей сопровождается отсутствием стабильности и социальных гарантий. Сложившаяся ситуация проявляется особенно ярко в тех случаях, например, когда студентам после окончания учебного заведения не гарантирована будущая успешная работа. Поэтому многие молодые люди по многим показателям «исключены» из успешного развития в силу того, что являются представителями малообеспеченных семей. Неудовлетворенность результатами разделения труда в капиталистическом обществе становится благоприятной почвой для восприятия националистических идей. К тому же, как отмечают исследователи, в частности Е. О. Кубякин, «фактором, обострившим крайние националистические настроения среди молодежи России, является усиление миграционных процессов, связанных с переселением больших групп людей, в первую очередь, из регионов Закавказья и Средней Азии. Данные потоки разрушают исторически сложившийся этнический баланс населения и деструктивно влияют на межэтнические отношения» [2, с. 274]. Это ещё в большей степени обостряет межэтнические противоречия, что во многом обусловлено культурными особенностями мигрантов.

Предрасположенные к экстремизму молодые люди нуждаются в собственной доктрине, способной обеспечить контркультурную легитимизацию девиантных практик. В связи с тем, что путь легализации для экстремистского поведения закрыт, молодые люди ищут опоры в контркультурных типах, предстающих в сочетании традиционного и харизматического типа легитимации. Отсюда проистекает желание молодых экстремистов опереться на традиции прошлого, в котором доминировали харизматические вожди и пророки, свободные от бюрократизированных форм современных общественных институтов. Соответственно с этим запросом возрастает интерес молодых девиантов к альтернативным теориям, способным обосновать экстремистские типы поведения. Причём вовсе не обязательно, чтобы теория, которой руководствуется молодой экстремист, обязательно представляла собой систему логически проработанных понятий или тем более претендовала на статус научно-обоснованной и признанной концепции.

Таким образом, искажение достоверной информации представляет собой распространенное явление в среде молодых экстремистов, идеология которых базируется на неадекватном понимании субъектности и стратификации «собственной» социальной группы, которую они собрались защищать от воздействий «чужаков». «Девиантность может усиливаться вследствие неадекватного восприятия информации, из-за искаженных представлений об этнических культурах и стереотипах, что, в свою очередь, способно вызвать неадекватную реакцию и санкции, “запускающие” “спираль девиантности”» [1, с. 126]. Поэтому современные молодые экстремисты как раз в большей степени ориентируются на псевдонаучные теории (главным образом на самые разнообразные расовые концепции) или же напрямую черпают вдохновение из религиозных мифов.

В современной социологии принято исследовать особый социально-экономический фундамент молодёжного экстремизма, подчеркивая, что молодые люди становятся такими, прежде всего, в силу бедности и отсутствия должного образования. Этот подход, несомненно, имеет под собой серьезную фактическую основу, поскольку социально исключенная и фрустрированная молодёжь в большей степени склонна к манифестации экстремистского типа поведения. Действительно значительное число молодых людей (как девушек, так и юношей), пополняющих ряды, например, исламистских террористических организаций, не получили должного как религиозного, так и светского образования; многие из них стали заложниками низкого экономического уровня развития и высокой степени коррумпированности местных чиновников.

Вместе с тем вышеописанный подход не нужно абсолютизировать, а необходимо применять его в совокупности с другими способами интерпретации проблем молодёжного экстремизма. Ведь как же тогда объяснить многочисленные факты, когда группировки молодых экстремистов пополняются юношами из вполне обеспеченных семей с довольно высоким уровнем образования. Поэтому не совсем верной является однобокая, на наш взгляд, тенденция редуцировать все типы проявления молодёжного экстремизма к латентным формам классовой борьбы.

Важную контркультурную особенность, под которую, на наш взгляд, необходимо подвести молодёжный экстремизм, можно охарактеризовать как особого рода «романтизм», свойственный юным и в определенной степени творческим натурам. Известно, что романтизм как культурное движение (прежде всего, в поэзии, философии и литературе), характерное, например, для Германии XVIII века, можно рассматривать в качестве

реакции на Просвещение с его культом разума и активной борьбы с суевериями. Напротив, в романтизме легитимируются более иррациональные, инстинктивные аспекты человеческой психики и поведения, оформляется культ природы, происходит героизация исторического прошлого. Интересно, что данному направлению предшествовало мощное и радикальное литературное движение «Буря и натиск» (нем. *Sturm und Drang*), в творчестве представителей которого особое внимание уделялось экстремальным проявлениям индивидуализма [5]. Самих представителей данного направления называли штюрмерами, что на русский язык можно просто перевести как бунтари. Как ни печально, но романтизм также в дальнейшем (уже в XX веке) становится базой германского национал-социализма с его культом расы и крови, проистекающего из ресакрализации природного начала в человеке.

Важно отметить, что в рамках романтизма проявились два взаимосвязанных на уровне социальной интеракции архетипических образа человека, которые и сейчас играют существенную роль в экстремистских проявлениях молодёжи. Первый из них – это образ «благородного» дикаря, который противостоит «разнузданной» и «бездуховной» цивилизации. И неслучайно, что этот дикарь, если он мужчина, обязательно обладает бородой в качестве символа принадлежности к природе. Второй – это образ одинокого (зачастую отверженного обществом изгоя) «героя», выступающего в качестве носителя яркой индивидуальности, бросающей вызов безличной всеобщности. Эти романтические образы в сознании могут образовывать между собой различные конфигурации или даже сливаться в одном типе «благородного» разбойника. Таким образом, вполне очевидно, что многие экстремистские группы молодёжи как в XX, так и в XXI веке находились и продолжают оставаться под влиянием архетипов романтизма, способного подтолкнуть к реальному политическому экстремизму. Во многих молодёжных движениях, таких как, например, хиппи, культ природы и «штюрмерский» бунт против цивилизации, основанной на идеалах разума, был воспроизведен с максимальной точностью. Поэтому важно иметь в виду, что различные молодёжные экстремисты из числа так называемых «традиционалистов», тяготеющих к корням, от неонацистов до неоисламистов, также во многом находятся под архетипическими чарами романтизма.

Значит, основные контркультурные детерминанты современного молодёжного экстремизма восходят к паттернам европейского романтизма, в которых зачастую происходит искажение действительно существовавших в прошлом форм культуры. Вместе с тем то, что раньше было вполне легитимной нормой, по мере развития цивилизации начинает восприниматься как «варварство», бросающее вызов гуманизму и ценностям науки, ориентирующим людей на дальнейший технологический прогресс. Поэтому необходимо учитывать, как это отмечает Вал. А. Луков, что «специфику освоения молодежью жизненного пространства можно характеризовать через сочетание “дикости” (это обозначение природных свойств молодежи можно найти еще в первой по времени появления теории молодежи Г. С. Холла) и “инновационности”, присущих молодежи» [3, с. 210]. Таким образом, инновационный потенциал молодёжи может быть направлен на внедрение образцов исторического прошлого, вступающих в конфликт с легальным порядком настоящего, который усиливается либидозными импульсами, в большей степени подчиняющими молодых людей воздействию бессознательных инстинктов.

Список литературы

1. **Воденко К. В., Черных С. С., Самыгин С. И.** Социальная антропология. Ростов-на-Дону, 2014.
2. **Кубякин Е. О.** Социальные и социокультурные основы молодёжного экстремизма в современной России // Общество и право. 2011. № 1.
3. **Луков Вал. А.** Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания: науч. монография. М., 2013.
4. **Маршак А. Л.** Художественная жизнь как сфера культурной безопасности современной России: социокультурный подход // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2.
5. **Рапацкая Л. А.** Романтизм в художественной культуре Европы XIX в.: открытие «внутреннего человека» // Мировая художественная культура. 11 класс: в 2-х ч. М.: Владос, 2008.
6. **Чупров В. И., Зубок Ю. А.** Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009.
7. **Штомпка П.** Социология. Анализ современного общества. М., 2010.

COUNTERCULTURAL DETERMINANTS OF YOUTH EXTREMISM

Chernykh Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philosophy
Nikiforov Anatolii Aleksandrovich
Platov South-Russian State Polytechnic University
(Novocherkassk Polytechnic Institute)
s.s.chernykh@mail.ru

The article examines the countercultural determinants of youth extremism through the lenses of the propensity of young people to romanticism. Connections between the archetypes of romanticism and the contemporary forms of youth extremism conditioned by a radical search for the roots are traced. Special attention is paid to the problems of hatred among young people because of cultural differences. It is emphasized that the leading countercultural determinants of contemporary youth extremism date back to the patterns of European romanticism, which are subject to distortion in the process of youth’s innovative activity.

Key words and phrases: Russian youth; countercultural determinants; cultural security; youth extremism; deviant practices; romanticism.